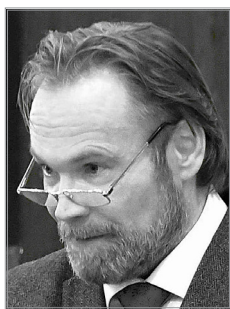


ТЕХНИКИ ПРОПАГАНДЫ И ИНЖЕНЕРИЯ СОГЛАСИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Михаил Кошмаров*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-3-76-3-16



Введение. В статье проанализирован генезис британской русофобии и антироссийской пропаганды в период от Венского конгресса (1815) до Крымской войны (1853–1855) и Парижского конгресса (1856). Предмет исследования – довоенная, предвоенная и военная пропаганда в Великобритании и задействованный инструментарий. Целью исследования является генезис глобальной антироссийской пропаганды и русофобии. Отдельно исследована роль К. Маркса и Ф. Энгельса в пропагандистской кампании, инициированной лоббистами войны с Российской империей, с целью показать тождественность антироссийских и русофобских тезисов коммунистов (т.е. контрэлит Западной цивилизации) и наиболее агрессивных по отношению к России представителей военных и политических элит Британской империи, ставшей после Наполеоновских войн центром Западной цивилизации.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах отечественных, британских и американских авторов. В основе методологии исследования – цивилизационный подход в контексте системного анализа международных отношений. В рамках данной методологии для анализа фактологического материала были также использованы историко-генетический метод (ретроспективный анализ), дескриптивный, аналитический, компаративный методы.

Результаты исследования. Полученные результаты выявили сформировавшийся в тот период устойчивый стереотип в отношении России, ставший со временем частью британской героической мифологии и еще позже предположением западного социума. Выделен феномен сверхактивной антироссийской пропагандистской деятельности Маркса и Энгельса, публикации ими схожих статей, в европейских и американских СМИ, что впервые позволяет говорить о работе коммунистов-интернационалистов Маркса и Энгельса на антироссийскую пропагандистскую кампанию, являющуюся частью большой информационной войны Западной цивилизации против Российской цивилизации.

* **Кошмаров Михаил Юрьевич**, кандидат технических наук, доцент, директор по разработке инновационных технологий Фонда РОПЦ «Российский общественно-политический центр» («РОСПОЛИТИКА»), Москва, Россия
e-mail: mk69@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-6166-5186

Обсуждение и заключение. Выдвинут тезис о симбиотической паре Западной цивилизации и международного финансово-информационного консорциума, прообраза современных глобалистских структур. Впервые выдвинут тезис о превращении пропаганды в социальную практику в Великобритании в тот период. Сделаны выводы о необходимости особо учитывать британское стереотипное видение Крыма, России и Русской цивилизации при анализе и прогнозировании.

Введение

Крымская война и Большая игра

Крымская война, или, как часто она называется в западном дискурсе, Восточная война 1853-1856 гг., началась, когда Британская империя достигла зенита своего могущества. Оказавшись в 1815 году на вершине мира, крупнейшая империя моря, использовавшая колонии как практически бесконечную ресурсную базу для своего развития, видела свою долгосрочную стратегию в максимальном ослаблении потенциальных соперников – Китая и России, крупнейших империй суши. В то время еще не были сформулированы классические геополитические теории Маккинндера [16. С. 186] о взаимосвязи мирового господства и контролем центра Евразии – «огромнейшей естественной крепости на земле» [38. С. 61]. Но борьба за контроль над центральноазиатскими и ближневосточными регионами шла на тот момент уже несколько десятилетий. Для описания противостояния Российской и Британской империй того времени чаще используется широко понимаемый западный термин Большая игра [14].

Вполне можно вести отсчет начала этой «игры» от убийства императора Павла, напугавшего британцев союзом с Наполеоном и угрозой совместного российско-французского военного похода в Индию. Существуют различные версии убийства императора Павла, но не столь важно, действовали заговорщики осознанно или неосознанно в интересах англичан, дипломаты и агенты которых активно работали в этом направлении. Итог общеизвестен: сын Екатерины Великой, Павел I, убит, Россия вновь стала участвовать в военных коалициях против Франции и, в итоге, с огромными потерями уничтожила главного врага Британии – империю Наполеона.

Британцы тогда зафиксировали, что Россия может создать для Британии серьезные проблемы в Индии, потеря которой с большой вероятностью повлекла бы

экономический крах и политический кризис, поскольку экономический уклад, основанный на ограблении колоний, стал к XIX в. частью общественного договора британцев и основой общественного согласия. Индия на тот момент была главным источником финансирования научно-технического прогресса и промышленной революции Британии. Фатальный для наполеоновского евросоюза поход на Москву, разгром Первой империи и Венский конгресс 1815 года – следует также рассматривать как части глобальной игры по устранению и сдерживанию соперников Британской империи. В XVIII веке Франция и Британия воевали шесть раз, а в период 1792-1815 гг. почти непрерывно пребывали в состоянии войны [37. С. 634-635]. После 1815 года Лондон вместо Парижа стал столицей мира, британский фунт стал главной мировой резервной валютой [4].

Как будет показано дальше, практически сразу после Венского конгресса появилась новая константа в долгосрочной стратегии Британии: сдерживание России. По мнению британцев границы России слишком быстро расширялись, приближаясь к Индии. К середине XIX века Британия видела в России не просто угрозу, но главного геополитического противника, которого необходимо максимально ослабить, в идеале – нанести стратегическое поражение. Планы британцев были далекоидущими – экономические санкции, политическая дестабилизация, организация мятежей. И все это с целью «вырывания» значительных территорий. Похожие цели ставились в Китае, где успешно реализовывался долгосрочный сценарий по уничтожению китайской государственности. На момент начала Крымской войны англичанам удалось заразить опиоидной зависимостью критическое для империи количество государственных служащих [5. С. 576], что в сумме с другими их действиями привело к кровопролитнейшей Гражданской войне 1850-1864 гг.

Согласно статье профессора Д. Фромкина «Большая игра в Азии», опубликованной в 1980 году в Foreign Affairs [32], к середине

XIX века Британия имела несколько веских причин активно противодействовать российской угрозе в Азии. Одну причину стоит привести дословно: «это укрепило бы народ, который британцы ненавидели» [32. С. 939]. Это весьма откровенное отражение англосаксонского отношения к России и к русским в Соединенном Королевстве в 1850 году; но во многом, и в Соединенных Штатах в 1980 году. Ненависть к стране, находящейся за тремя морями, не появляется вдруг, ее нужно взрастить. Как будет ниже показано, такая пропагандистская работа велась в Лондоне методично.

Была и еще одна важная причина русофобии британцев: Российская империя являлась цивилизацией, осознавала себя цивилизацией и своими гуманитарными действиями фактически русифицировала новые территории, неся народам блага российской цивилизации в той мере в которой, они готовы были эти блага принять на тот момент. Говоря проще: у России не было установки на геноцид коренных жителей, как во время колонизации европейцами нынешних территорий США и Канады. Напротив, русские много делали, чтобы ассимилировать все племена и народности в свою империю-цивилизацию. Или предоставляли широчайшую конституционную автономию, если возникали существенные цивилизационные противоречия, как в случае Финляндии или Польши. Такое русское цивилизаторство [8] виделось экзистенциальной угрозой господству Западной цивилизации, центром которой на тот момент стал Лондон, а непримиримые цивилизационные противоречия приводят к прямому конфликту, согласно Арнольду Тойнби [23].

Особый интерес для настоящего исследования представляет монография американского историка Д. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании» [33], опубликованная в Гарварде в 1950 году. Книга вышла вскоре после подписания Североатлантического договора. Формально военно-политический блок либерального Запада (тогда использовался удачный термин-кристаллизатор общественного мнения «свободный мир») был создан против коммунистического Востока. Но во многом создание НАТО – это продолжение «Большой игры». В тот послевоенный период Великобритания передавала США мировое лидерство во всех сферах, в которых США еще не забрали его сами. Передавала добровольно, осознавая, что это меньшее из зол, – с многочисленными условиями и оговорками, явными и тайными.

Научно-технический прогресс достиг того уровня развития, в области средств связи, транспорта и оружия, который позволял начать говорить о глобальном военно-политическом контроле в практической плоскости. Необходим был общий враг, чтобы сплотить «золотой миллиард». Этим врагом сделали Красную империю Сталина, наследницу Российской империи.

Возглавив военно-политический блок Запада против Советской России, США, возможно, того и не желая, унаследовали в нагрузку британские антирусские традиции. И книга Глисона, анализирующая генезис русофобии в Великобритании, была на тот момент актуальнейшим исследованием накануне Корейской войны. Должна ли Америка наследовать от британцев русофобию? Насколько мнение британцев в отношении России предвзято и является их политическим архетипом? Действительно ли Россия всегда стремилась уничтожить Запад? Вот вопросы, которые не заданы в книге явно, но исследуются подробно. Ответ Глисона научно-нейтрален: соперничество выращено искусственно.

Следует выделить несколько ключевых тезисов этого исследования. Великобритания и Россия вышли из наполеоновских войн как две европейские империи, избежавшие поражения от Бонапарта и контролировавшие значительные внеевропейские территории, что неизбежно делало их двумя полюсами. После 1815 года поток негатива о России возрос: книги путешественников, возвращавшихся из России, акцентировали негатив. Британские элиты ошибочно воспринимали колоссальную экспансию России со времен Петра и амбициозную политику Екатерины, как тщательно продуманную русскую стратегию, угрожающую британскому доминированию. Русофобия в Британии созрела к 1830-м гг., а к 1840-м гг. стала аксиомой. Пропаганда всегда была направленно антирусской, а возможность войны с Россией всегда являлась в этой пропаганде фоном. Николай I был постоянной мишенью прессы, методично повторявшей тезисы-штампы об угнетении поляков и черкесов, возможности завоевания Николаем морских проливов и Индии. Польское восстание (1830) обусловило первую организованную пропагандистскую кампанию по очернению русских. Великобритания не играла важной роли в дипломатическом споре между Францией и Россией по поводу Святых мест до 1853 года. В последующие полгода, общественное мнение было искусственно разогрето,

чтобы дипломатический компромисс стал невозможен.

Все тезисы Глисона вполне коррелируют с исследованиями А.М. Зайончковского [10], Е.Н. Тарле [21;22], О. Файджеса [24]. Следует особенно выделить утверждение Глисона о том, что существенной причиной вступления Британии в войну была тщательно организованная пропагандистская кампания, а закрепление стереотипа врага в предвоенный период произошло так быстро только потому, что он был сформирован двумя десятилетиями ранее [33. С. 288].

Второй важный момент, который всегда необходимо иметь в виду: все исследования о Крымской войне сходятся в факте существования в Лондоне антироссийского лобби, имеющего целью именно войну с Россией. Во главе политического крыла ястребов стоял лорд Палмерстон, которого активно и явно поддерживала промышленная буржуазия и, менее явно, но не менее активно, финансовая. Эта группа рассматривала войну как инструмент для отсечения от России значительных территорий, лишения выходов к морю на юге и на западе. Такие цели обусловили средства Крымской войны: небывалая пропагандистская кампания против русских и против императора, создание международной коалиции, экономические санкции, несколько театров военных действий, революционная агитация и попытки организаций мятежей на окраинах России. Исследовав, как эта пропагандистская кампания была организована, можно сделать обобщающие выводы о британской и западной антироссийской пропаганде и русофобии, что и является одной из целей настоящего исследования.

Исследование

Антироссийское лобби в Лондоне

Исследуя антироссийскую пропаганду в предвоенный период следует сказать, что в 1853 году в Лондоне было учреждено издательство «Вольная русская книгопечатня», издававшее журнал «Колокол». События, предшествующие переезду в Лондон, Герцен описывает в своих мемуарах «Былое и думы». Он в частности рассказал, как в Париже, проявив смекалку, якобы манипулировал парижским Ротшильдом [6. С. 132-150]. Видится более верным, что, скорее, он проявил самоуверенность, вообразив себя субъектом в этой игре. Из Парижа Герцен переместился в Лондон, где и возглавил вышеупомянутое издательство с пропагандистским месседжем

в названии и начал издавать антироссийские материалы за несколько месяцев до начала Крымской войны. Воззвание-презентация к открытию издательства, подписанное Герценом в феврале 1853 года, начинается квазимасонским приветствием «Братьям на Руси», а заканчивается революционным лозунгом «во имя русской и польской свободы» [7. С. 62-63]. «Вольная типография была создана 22 июня 1853 года. Через несколько дней появилось первое издание - тоненькая брошюра «Юрьев день! Русскому дворянству» [12. С. 290]. Пропагандируя раскрепощение крестьян и независимость Польши, Герцен апеллирует к масонским традициям декабристов: следующие две брошюры назывались «Польяки прощают нас» и «Крещёная собственность». Герцен также сотрудничал с лондонскими пропольскими изданиями, где охотно публиковали его антироссийские сочинения. В Лондоне и Париже уже тогда проживало значительное число польских эмигрантов, в основном участников антироссийского восстания. Заканчивая с Герценом, следует отметить, что он с огромным рвением включился в работу пропагандистской машины, запущенной в Лондоне русофобским лобби.

Исследуя работу этой машины, следует по-новому взглянуть на деятельность Маркса и Энгельса в Лондоне. В манифесте, опубликованном в Лондоне 21 февраля 1848 года, два молодых коммуниста Маркс (29 лет) и Энгельс (27 лет), действовавших по заказу Коммунистической лиги, основанной в 1847 году в Лондоне, провозгласили интернациональную дихотомию богатых и бедных. Самых бедных и малообразованных рабочих «которые только тогда и могут существовать, когда находят работу» [18. С. 32] объявили «пролетариями», имеющими право на мировую революцию. Или, говоря на языке черни, названной в манифесте новым словом «пролетариат», к всеобщему бунту с возможностью грабить элиты. На следующий день, 22 февраля началась революция в Париже. В данном случае коммунистические практики несколько обогнали коммунистические научные теории: Маркс и Энгельс в своём манифесте наукообразно изложили принципы европейской революции, которая фактически уже шла. В 1848-1849 гг. бунты прокатились по всей Европе и благодаря СМИ вошли в историю под романтическим штампом *весна народов*. Следует особо отметить, что во Франции одним из итогов революции 1848 года стали прямые и всеобщие выборы, которые выиграл прибывший из Лондона авантюрист Луи Наполеон Бонапарт.

В 1849 году Маркс и Энгельс окончательно перебазировались в Лондон, источником их финансирования общепризнанно считается бизнес Энгельса. Здесь следует внести ремарку: хотя также общепризнано отсутствие связей между Марксом и Ротшильдами, в трех томах Капитала они упоминаются лишь вскользь. Предположение о непонимании Марксом структуры финансового устройства Европы выглядит нелепо – значит была другая причина, и эта лакуна в Капитале, является косвенным доказательством, если не прямой коллаборации главного коммуниста и главного финансиста XIX в., то некоего пакта о ненападении. Также важно отметить, что у Маркса в Лондоне был очень высокий покровитель: когда в 1851 году обнаружилась слежка за Марксом тайными агентами прусской полиции, власти быстро выслали их из страны [21. С. 555].

В период 1849-1855 гг. главной мишенью пропаганды Маркса и Энгельса стала Россия. Сегодня бы их назвали политехнологами, нанятыми для информационной войны с Россией. Судя по степени осведомленности, они находились не на периферии, как пропольский Герцен, а в центре запущенной пропагандистской машины, и тиражировали тезисы антирусского лобби в многочисленных статьях, публиковавшихся в основном в европейских и американских изданиях. Следует отметить, что спланированная централизованная подрывная работа коммунистов против России не прекращалась вплоть до 1917 года, и Лондон оставался одним из главных центров этой антироссийской деятельности. Антироссийская пропаганда Маркса-Энгельса в период Крымской войны ниже будет рассмотрена подробнее, но вначале следует рассмотреть исторический контекст в системе координат авторитетнейшего исследования Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма», применив критический анализ. Для краткости основные тезисы по данному разделу приведены в пересказе с указанием страниц текста книги Арендт, где они разобраны подробнее.

Первое, на что указывает Арендт, говоря о европейском финансовом устройстве XVI-XVIII веков, – наличие при каждом княжеском доме и при каждом монархе Европы должности *Court Jew*, придворного ростовщика. Обладающие европейскими связями и кредитом, они предоставляли займы и также были «поставщиками новостей», которые получали из переписки с коллегами и родственниками по всей Европе [2. С. 52, 54]. «Так обстояло дело в Англии со времен Маррано,

банкира королевы Елизаветы, и иудеев, финансировавших армию Кромвеля» [2. С. 52]. Второе важное заключение Арендт: начиная с тридцатилетней войны (1618-1648), финансирование армий стало для придворных ростовщиков сверхвыгодным предприятием [2. С. 53-54]. После революционных событий во Франции (1789-1799) правительствам потребовались значительно более крупные займы, с учетом развития вооружений и техники; «для удовлетворения новых возросших потребностей» было использовано «совокупное достояние зажиточных слоев» западноевропейской и центральноевропейской диаспор, доверенное сообществу банкиров [2. С. 50-51]. Образование касты финансистов внутри диаспоры «завершилось только в XIX веке, и включала она в количественном отношении, вероятно, не более сотни семейств» [2. С. 113].

Из этих вводных на поверхности лежит вывод: такой информационно-финансовый консорциум предполагает некое управление. Арендт пишет, что после 1820 года этот функционал постепенно стал переходить к финансовому клану Ротшильдов. В последние годы наполеоновских войн, в 1811-1816 гг. около 1/2 английских субсидий в Европе проходила через Ротшильдов, а после Ватерлоо они стали монопольно контролировать выдачу государственных займов. Здесь можно чуть-чуть уточнить Арендт: такая же ситуация была и в материковой Европе: уже после Конгрессов в Троппау (1820) и Лайбахе (1821) банкирский дом Ротшильдов фактически стал неким частным квазиказначейством Священного союза России, Австрии и Пруссии. Первые кредиты были выданы на содержание военных контингентов, необходимых для сдерживания революционных движений [28. С. 101-103].

Клан Ротшильдов был представлен во всех основных европейских столицах и полностью владел всей значимой информацией, которой располагала диаспора [2. С. 64-66]. «Это длилось на протяжении жизни трех поколений, и в этот период они сумели одолеть всех своих [...] конкурентов в данной сфере» [2. С. 65].

К середине XIX в., то есть ко времени создания антироссийской коалиции для Крымской войны, Ротшильды контролировали европейские финансовые институты и пользовались значительным влиянием в Лондоне. Лайонел Ротшильд избирался в парламент семь раз, впервые в 1847 году [39], под него был принят закон об изменении текста парламентской присяги [13. С. 166]. 26 июля

1858 года барон Ротшильд произнес в Парламенте новую присягу. «Спустя двести лет после смерти Кромвеля начатая им работа достигла своей кульминации, и английский иудей впервые был признан равноправным гражданином своей родной страны. [...] Когда в феврале 1859 года брат барона Лайонела, Майер де Ротшильд, был переизбран на этот пост на дополнительных выборах, он получил право принести присягу приемлемым для него способом...» [39. С. 246, 252].

Далее французские Ротшильды, согласно Арендт, были в превосходных отношениях с Наполеоном III, и 20 лет его правления были временем процветания и безопасности для французской диаспоры [2. С. 55, 93]. «В воспоминаниях некоторых государственных деятелей прошлого столетия встречается много замечаний на тот счет, что войны не будет, поскольку Ротшильд в Лондоне, Париже или Вене не желает войны» [2. С. 62]. Этот тезис ярче сформулировал в 1905 году историк Джон А. Гобсон: «Неужели кто-нибудь всерьез полагает, что большая война может быть предпринята каким-либо европейским государством или большой государственный заем подписан, если дом Ротшильдов с его связями будет против?» [35. С. 57].

Важно отметить, что труд Ханны Арендт был опубликован в 1951 году, ужасы холокоста и дух Нюрнберга требовали научного осмысления. Многие факты, анализируемые Арендт, были на тот момент, во-первых, общеизвестны, во-вторых, само собой разумеющиеся, и один из таких фактов: XIX век был веком Ротшильдов, чему свидетельство – многочисленные упоминания этого экономического феномена в научных источниках XIX века. Исследование Арендт опирается на обширнейшую библиографию, занимающую 24 страницы [2. С. 639-663]. Это фундаментальный труд ученого с мировым именем, не имеющий ни тени намека на какую-либо спекуляцию секретами диаспоры. Тезисы Арендт взяты в настоящей статье именно в том смысле, в каком и она их использует в своем анализе. Эти тезисы полностью коррелируют с другими источниками и вполне могут быть применимы к анализу структуры пропагандистской машины Лондона времен Крымской войны. Более того, сегодня любые исследования в области экономики или

политологии XIX века, игнорирующие феномен уникальной информационно-финансовой империи Ротшильдов, не будут объективны. Такое игнорирование равносильно игнорированию сети Интернет в исследованиях о современности.

Итак, согласно Арендт и другим источникам, в центре управления финансами двух главных стран антироссийской коалиции в Крымской войне находился финансово-информационный консорциум, для которого войны были крайне выгодны. Следует отметить, что уже в первой половине XIX века, как было отмечено в исследовании Глисона, для продвижения интересов активно использовалась не только пресса, но и романы, публицистика и научные издания. Британская пресса XIX века не была независимой и по команде включалась в пропагандистские кампании, нанимая самых убедительных авторов.

И в заключение анализа труда лучшей ученицы Хайдеггера необходимо ещё одно, крайне важное замечание: согласно Арендт, все богатейшие семьи уже к середине XIX века дистанцировались от диаспоры, образовали «сообщество исключений» (в современных терминах, некое финансово-информационное глубинное государство), действовавшее в собственных интересах [2. С. 112].

Николай I и Нессельроде

Возвращаясь к событиям Крымской войны и изучив дипломатическую переписку, вполне можно утверждать, что начало этой войны – итог целенаправленных усилий британской дипломатии и стоящих за ней элит – политических, финансовых, промышленных и военных. Восточный вопрос, а точнее вопрос о Святых местах¹, был для британцев хорошим поводом втянуть в войну с Россией французов и тем самым создать коалицию просвещённой, демократической Европы против «варварской», «тиранической» России.

В этой дипломатической игре были учтены и религиозная самоуверенность Николая I [21. С. 85], и сверхамбициозность Наполеона III. При этом Николай Павлович после своего короткого визита в Лондон (1844) пребывал в уверенности, что достиг взаимопонимания с британцами и в целом доверял

¹ Вопрос о святых местах в середине XIX в. был вопросом о статусе христианских святынь Иерусалима; статусе христианских общин, проживающих в Святом городе; о зданиях, которыми общины владеют на Святой земле [1; 20]; [19. С. 165-173].

им. Он исходил из того, что Британия всегда будет согласна с разделом Османской империи, если предложить ей достойную долю, чему способствовала последующая визиту секретная переписка, фиксирующая тезисы бесед о таком разделе: Меморандум Нессельроде и двусмысленный ответ Абердина. Тот факт, что Россия – преграда Британии на пути к мировому господству, особенно когда речь идет о проливах, Николай не осознавал. Активное участие Франции в споре о Святых местах и события, предшествующие приходу к власти Наполеона III, также им не были учтены должным образом.

Авантюрный племянник императора Наполеона Бонапарта, осужденный к пожизненному заключению в крепости за два неудавшихся госпереворота, в 1846 году сбежал в Лондон. Дождавшись европейской смуты 1848 года, Луи Наполеон Бонапарт отправился в Париж, чтобы взять наконец власть любым способом. То, что он более не опереточный персонаж, он доказал 4 декабря 1851 года расстрелом многочисленных протестующих, включая женщин и детей. Следует отметить, что после предыдущих неудачных переворотов Луи Наполеон всегда возвращался в Лондон и после своего фиаско в 1870 году снова бежал в Англию, где и похоронен [40]. Очевидно, что с такой биографией этот политик готов был ввязаться в любую войну, тем более, когда есть столь значимый повод для сплочения ещё католической в то время Франции, и имеется ненулевой шанс поквитаться с Россией.

Добывать и ранжировать подобного рода информацию, выделять наиважнейшее, предоставлять анализ и прогноз высшему политическому руководству – задача министерства иностранных дел. Карл Нессельроде, возглавлявший это ведомство при Николае I, не делал этого должным образом. Достаточно общим местом и среди современников, и среди историков является некомпетентность Нессельроде. Но тогда это и некомпетентность императора, которому надо было как минимум сменить министра после нескольких ошибок. Однако Николаю I до Крымской войны всегда удивительно везло, он «занёсся в закрайней самоуверенности» и ничего не менял. Академик Тарле, один из самых острых критиков Нессельроде, описал взаимодействие министра с императором фактически как постоянное дезинформирование, создание докладов с «затушевыванием неприятного», умолчаниями и интерпретациями, которые были бы приятны царю [21. С. 98, 162].

Пусть так, но всё же стоит, возможно, рассматривать Карла Нессельроде не как «некомпетентного» или «нерусского» лакействующего карьериста и гедониста, а проанализировать его биографию, имея в виду доказать или опровергнуть гипотезу об агенте, играющем вдолгую, но не австрийском, как часто утверждалось, а всегда, где возможно – проанглийском. Кто порекомендовал отца Нессельроде Екатерине II, неизвестно, она вела обширную переписку; явившись лично, Нессельроде-старший ей понравился и получил должность посланника в Лиссабоне, где и родился Карл, крещённый там по англиканскому обряду [34. С. 149-153]. В 18 лет, оказавшись при дворе германофила Павла, молодой Карл чем-то вызвал его симпатии и доверие (либо кто-то очень похлопотал за него), и карьера его стала феноменально развиваться. Флигель-адъютант при Павле I, статс-секретарь при Александре I, Управляющий Коллегией по иностранным делам и Министерством иностранных дел в 36 лет, Канцлер Российской империи (1844-1862) при Николае I и позже при Александре II.

Следует сказать, что и Екатерина Великая, и Павел I, и Александр I, и Николай I всегда понимали важность черноморских проливов. Николай Павлович, решив, что время пришло, готов был за них воевать с Турцией, совершенно не понимая, что воевать придется с Британией, которая видит Россию экзистенциальным врагом и цивилизационным противником. Британия искусно вуалировала свои намерения втянуть Россию и Францию в эту войну, чтобы с минимальными людскими потерями нанести стратегическое поражение России. И Николай последовательно прошел все точки бифуркации, именно к войне и к её итогу, а Нессельроде, будучи и старше, и опытнее, был главным соучастником этого печального итога, поэтому его и называют часто «крестным» Крымской войны.

К сожалению для России, мечтания обоих Николаев Романовых о Царьграде и Святых местах всегда были без важнейшей априорной оговорки: это должна быть победа ввиду явного преимущества, силой политической и экономической гравитации и только в самую последнюю очередь – военной. Что стало несбыточно уже к 1840-м годам, поскольку в вопросе о Святых местах, ключом к которым был Царьград, против России сходились интересы комбинации-матрёшки из двух сильнейших цивилизаций Европы, точнее сказать, симбиотической пары: Западной цивилизации и международного

финансово-информационного экзоскелета, прообраза современных глобалистских структур. То, что было теоретически возможно во времена Александра Васильевича Суворова и Михаила Илларионовича Кутузова, стало труднодостижимо после Венского конгресса и абсолютно невозможно к 1850 году, тем более с такими «помощниками» как Нессельроде. Такого цивилизационного измерения Николай Павлович не понимал совершенно, даже после своего английского вояжа и последующего официального визита баронета М. Монтефиоре (1846). Более того, он пребывал в блаженной уверенности, что полностью понимает все нюансы – это подтверждают его переговоры с английским послом в январе 1853 года, когда он наивно выложил «союзнику» все свои планы. Палестина на тот момент скорей всего была уже обещана. Что полностью справедливо. И договор этот был в итоге британцами соблюден после распада Османской империи в начале XX века².

Героическое падение Севастополя не стало разгромом России, но людские потери и последствия Крымской войны для России были тяжелейшими. Британия не позволила России захватить Константинополь и проливы во время Крымской войны, а на Парижском конгрессе 1856 года были потеряны многие результаты предыдущих военных успехов России.

Особенности британской военной пропаганды

Британцами была продемонстрирована эффективнейшая работа политиков, дипломатов и секретных служб, результатом которой стало участие экспедиционного корпуса Франции, втрое превосходящим количество британцев. Количество турецких войск в экспедиционном корпусе в начале войны было незначительно. В марте 1854 года Англия и Франция объявили России войну. Сардинское королевство объявило войну России в январе 1855 года. В тот период пропагандистские практики антиросийского лобби имели целью напугать Европу угрозой «варварства русских», разорвать Священный союз России, Австрии и Пруссии, максимально обострить общественное мнение, пафосно проповедуя «священную войну цивилизации с варварством» (во Франции – «крестовый поход» против еретиков). На этом

информационном фоне велись переговоры с Австрией, Швецией, Пруссией на манер учреждения торговой колониальной компании, с договором, кто сколько внесет, а кто сколько получит.

Внутри Британии необходимо было сплотить британское общество, в особенности плебс и средний класс и пресекать непатриотичные мнения. Недавнее изобретение телеграфа и фотографии обусловило тот факт, что новости, во-первых, стали почти ежедневными, а во-вторых, стало крайне сложно опровергать фото, воспринимавшееся тогда публикой как непреложная истина. Следовательно, нужна была ежедневная работа с информационным полем, чтобы даже неудачи превращать в героические, воодушевляющие нарративы, как, например, «Атака лёгкой бригады». С огромными потерями проигранное из-за ошибочного приказа сражение, воспетое придворным поэтом королевы Виктории А. Теннисоном, вошло в школьную программу как символ героизма. Гарольд Лассуэлл в своей книге 1927 года «Техника пропаганды в Мировой войне» [15] неоднократно отмечал необычайную изощренность англичан в пропаганде; можно с уверенностью утверждать, что именно опыт Крымской войны сделал из них самых искусных пропагандистов.

Планы раздела России: Эванс, Пальмерстон, Маркс-Энгельс, Вильсон, Ленин-Троцкий

В XIX веке сильная Россия, контролирующая свои моря, виделась Британской империи экзистенциальным врагом, и война эта была геополитическая по своим целям. Вот Меморандум от 19 марта 1854 года лорда Пальмерстона, фактически руководившего тогда внешней политикой: «Мое представление о результатах войны с Россией, которая вот-вот начнется, таково: Аландские острова и Финляндия будут возвращены Швеции. Некоторые немецкие провинции России на Балтике отойдут к Пруссии. В качестве барьера между Германией и Россией будет восстановлено Королевство Польша. Валахия, Молдавия и устья Дуная уйдут к Австрии. [...] Крым, Черкесия и Грузия должны быть вырваны у России; Крым и Грузия отданы Турции, а Черкесия либо независима, либо связана с султаном как сюзереном. Такие результаты, правда, могли бы быть достигнуты только объединением Швеции, Пруссии

² Имеется в виду Декларация Бальфура.

и Австрии с Англией, Францией и Турцией, и такие результаты предполагают полное поражение России» [41. С. 160].

Необходимо отметить, что к началу войны, позиция английского истеблишмента была тождественна позиции интернационала коммунистов в лице лондонских резидентов Маркса-Энгельса, которые активно включились в пиар-кампанию по формированию русофобского мирового общественного мнения. Маркса часто цитируют ввиду очевидности его ненависти к российскому самодержавию, но вот тот факт, что Энгельс опубликовал ранее тот же (местами слово в слово) материал, видится даже более важным. Энгельс: «[...] разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. [...] развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии воссоединения этой области со Швецией». *Европейская война*. Написано Ф. Энгельсом 8 января 1854 года. Напечатано в газете «New-York Daily Tribune», 2 февраля 1854 года в качестве передовой [19. С. 3-6].

Теперь Маркс: «[...] разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции.» Написано К. Марксом 14 января 1854 года. Напечатано в газете «Zuid Afrikaan» 6 марта 1854 года [19. С. 18, 27].

Выглядит так, будто оба молодых пропагандиста списывали с единой методички, разработанной для данной пиар-кампании. Важно, что эту характерную особенность удвоения статей в британской антироссийской пропаганде отметил и Глисон: «Статьи о злодеяниях России в Черкесии были во многом похожи на статьи о ее поведении в Польше. Было заметное сходство между замечаниями “Таймс” и другими столичными журналами, а также между “Эдинбургом” и “Кварталом”» [33. С. 276].

Около двухсот статей о Крымской войне опубликовали Маркс-Энгельс в 1853-1856 гг. Каждый эпизод войны, каждое сражение, каждая значимая публикация в прессе находила отклик либо одного, либо другого, либо обоих, нередко дублируя друг друга [17]. Маркс и Энгельс активно выступали за поражение России в войне. Возможность контроля Россией Константинополя и неявно вытекающее следствие – возможность контроля Россией Палестины и Иерусалима, они оценивали как категорически неприемлемое. В статье «К истории возникновения восточного вопроса» крещеный лютеранин Маркс с неприязнью и брезгливостью пишет о христианских общинах Иерусалима; далее он справедливо сетует, что «нищета и страдания» это удел 8 тысяч самых обездоленных, представляющих «оседлое население Иерусалима». И тем не менее, нельзя отменять протекторат Османской империи над Иерусалимом, так как это «неизбежно бросит их [всех христиан Иерусалима] в объятия России» [19. С. 165-173]. Также на что следует обратить внимание, говоря о роли Маркса-Энгельса в пропагандистской кампании против России, – это их призывы к организации восстаний в Финляндии, Польше и на Кавказе.

Глядя на объем и глубину работ, опубликованных Марксом и Энгельсом за годы войны, поражает знание материала этими двумя молодыми людьми, до этого Россией мало интересовавшихся и в России никогда не бывавших. Учить русский Энгельс начал перед Крымской войной, мотивируя это своим будущим участием в конфликте с Россией: «Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти закончил с грамматикой, еще 2-3 месяца дадут мне необходимый запас слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен в этом году закончить, и, в сущности, они совсем не так трудны. Помимо лингвистического интереса, который представляет для меня это дело, важно также, чтобы по крайней мере один из нас знал языки, историю, литературу и детали социальных институтов именно тех народов, с которыми мы немедленно вступаем в конфликт при следующем политическом представлении (Haupt- und Staatsaktion)» [36. С. 40]. Говоря о *политическом представлении*, Энгельс имел в виду наступление революционной смуты, которую они с Марксом так активно подготавливали. Хорошее исследование по данной тематике содержится в статье доктора исторических наук С.Ю. Чимарова «К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русской

армии в Крымской войне 1853 - 1856 гг.» [26], где выделяется пропаганда раздела России, организация мятежей по окраинам и подстрекательство к бунтам крепостных в самой России.

Суммируя, вполне можно утверждать, что фактически Русская революция была «запущена» Марксом-Энгельсом уже в 1853 году, хотя идея раздела России была не их. Файджес в своей книге «Крым: последний крестовый поход» неоднократно упоминает сэра Д. де Ласси Эванса, ирландца, депутата английского парламента, участника Крымской войны, опубликовавшего в 1828 году 250-страничный трактат *On the design of Russia* [29], где содержится предельно ясная инструкция из 8 пунктов по развалу России.

«1. Прекратить торговлю с Россией, чтобы дворяне потеряли свои прибыли и выступили против царского правительства. 2. Уничтожить военно-морские базы в Кронштадте, Севастополе и т.д. 3. Начать серию "опустошительных и хорошо подготовленных рейдов вдоль российских морских границ, особенно в Черном море, на берегах которого и даже в тылу российских военных постов есть воинство непокорных, вооруженных, неукротимых врагов-горцев [...]". 4. Помочь персам вернуть Кавказ. 5. Направить крупный военный корпус и флот в Финский залив, "чтобы угрожать флангам и тем самым связать резервы русских армий в Польше и Финляндии". 6. Финансировать революционеров для "организации восстаний и бунтов крепостных". 7. Бомбардировать Санкт-Петербург, "если это будет осуществимо". 8. Отправить оружие Польше и Финляндии "для их освобождения от России". Цитата по Figes [30. С. 73-74].

Как видно из сравнения текстов Де Ласи Эванса, Палмерстона, Маркса и Энгельса, планы европейских элит и контрэлита в отношении России были тождественны. Видится крайне важным тот факт, что эта синхронизация Западной цивилизации против Российской сохранилась вплоть до 14 пунктов Вудро Вильсона и Брестского мира Троцкого-Ленина.

Одна из задач революционеров того времени состояла в экспорте европейского революционного опыта в Россию. Маркс-Энгельс взрастили из Лондона антирусскую и русофобскую доксу; агитационно-террористическая подпольная сеть коммунистического интернационала, сделала их позже иконами нового учения. Тысячи пропагандистов и террористов, которых Федор Михайлович

Достоевский называл бесами, стали проповедовать фоллиант Маркса и его самого как пророка новой религии. Марксисты соблазнили простолюдинов призывами к анархии и грабежам, отречению от корней; элиты растлевались атеизмом, вседозволенностью, аморальностью. Их стараниями внутренняя русофобия, появившаяся в интеллектуальной среде к середине XIX века [9. С. 102-106], проповедовалась молодежи в многочисленных кружках. Помимо пропагандистской работы, по нарастающей велась террористическая деятельность: убийства наиболее препятствующих планам революционеров представителей российской элиты. План по расчленению России, аналогичный вышеупомянутому британскому, был реализован в 1918 году Троцким и Лениным. Это были жестокие враги Российской империи, имевшие ещё и личные кровные счеты с самодержавием и «шовинизмом великороссов». Они осознанно развязали кровопролитнейшую Гражданскую войну, итог которой – геноцид элит, носителей культурного кода, значительное сокращение населения России, несколько миллионов беспризорных детей, позднее воспитанных в пролетарской богоборческой религии. Эти два хранителя «революционной совести», согласно их декрету, уничтожавшие «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях» и расстрелами [11. С. 67], расчленили Россию «Брестским миром», напоминаям планы по разделу России времен Крымской войны. Крым большевики терроризировали массовыми казнями белых офицеров и местных жителей. Освальд Шпенглер так оценил большевиков в 2 томе *Заката Европы*, опубликованном в 1922 году: «Ибо большевики не есть народ, ни даже его часть. Они низший слой "общества", чуждый, западный, как и оно, однако им не признанный и потому полный низменной ненависти» [27. С. 654]. Следует отметить, что сегодня по прошествии более ста лет, всё ещё не дана правовая оценка большевизму и его лидерам в период Гражданской войны и Красного террора.

Англия – первая европейская страна, прошедшая прививку модерном: смута, царубийство, гражданская война, диктатура, террор, геноцид ирландцев. Англичане эксгумировали, повесили, а потом обезглавили царубийцу Кромвеля, тело сожгли, прах развеяли, а голова на шесте несколько десятилетий находилась на крыше суда, где комиссары Кромвеля приговорили короля [31]. В дальнейшем революционный сценарий повторялся в Европе с той разницей, что

террор в каждой новой революции становился все более масштабней. На тома Маркса и на его имидж ветхозаветного пророка следует взглянуть как на политехнологии для контрэлита и заменитель религии для плебса. Этот эрзац предназначался для экспорта на восток, в страны, где революций еще не было. Россия была одной из последних в этом ряду, и террор большевиков смогли превзойти только красные кхмеры полвека спустя.

Заключение

1. Крымская война была первой войной новой информационной эры и первой медиавойной. Использование новых изобретений – телеграфа и фотографии – обусловило существенные изменения: впервые в Крымской войне британская пропаганда стала новой социальной практикой в виде ежедневной работы с информационным полем. В результате этой пропагандистской работы в период Крымской войны изменился и британский социум: инженерия согласия Бернайса – совокупность социальных политик и практик, основанных не на принуждении, а на пропаганде, впервые явила себя властвующим элитам не в Первую мировую войну (как традиционно считается), а именно в Крымскую. Все медиа того времени включились в пропагандистскую работу, чтобы правду о войне, которую нельзя было скрыть, превращать на ходу в национальный героический миф. Англиканский религиозный принцип избранности суммировался с английским меркантилизмом и бентамовским утилитаризмом: любую информацию превращать в пользу для победы, и здесь все средства хороши. Через 40 лет после Ватерлоо, то есть через два поколения, имперское национальное мышление британцев достигло своего апогея, а война этот экстремум коллективного сознания оформила в повседневную практику, ставшую естественной за годы войны. Впервые «инженерия согласия стала сутью демократического процесса» [3. С. 124] именно в тот период.

2. Влияние СМИ на общественное мнение, политиков и военных нередко диктовало тактические цели войны, например, бессмысленное с военной точки зрения уничтожение городка Колы на Баренцевом море, поданное газетами как большая победа британцев. Приведенные в статье факты

и тексты, вполне обосновано позволяют утверждать, что пропаганда в период Крымской войны – прообраз сегодняшних информационных войн.

3. Крымская война, которую Россия вела без союзников, – фактически первая цивилизационная война Западной и Российской цивилизаций (православной в терминологии Тойнби [23. С. 131] и Хантингтона [25. С. 77]). Отечественная война 1812 года имела несколько иную природу. Хотя Наполеон использовал для антирусской пропаганды подложное завещание Петра Великого, он повел более полумиллиона европейцев «освобождать» Россию, фактически неся факел французской масонской революции. Кроме того, Запад не был консолидирован, как в Крымскую войну – Британия была в состоянии войны с Францией. Европа осознала, что Россия и русский народ – не просто очередная империя на пару веков, а суть цивилизация, только после Венского конгресса. Британская империя после 1815 года, став финансовым и экономическим центром Западной цивилизации, фактически возглавила ее, а возглавив, определила стратегические долгосрочные угрозы в лице государств-цивилизаций Китая и России, в терминологии Чжан Вэйвэя, и далее всегда действовала в соответствии с этой стратегией.

4. Для России Крымская война стала началом сползания к 1917 году, поскольку пропагандистская и подрывная работа марксистов внутри России не прекратилась с войной, но усилилась.

Из вышесказанного следуют практические выводы. Военно-политический анализ и прогнозирование всегда должны учитывать русофобскую предубежденность британского социума: Россия – недруг британцев со школьной скамьи – и для британских элит, и для всего общества. Крым для британцев означает много больше, чем для американцев, для них – это земля, обильно, по их меркам, политая британской кровью, при этом цели Крымской войны по «вырыванию Крыма у России» ими не были достигнуты. Мечта о стратегическом поражении России – стала частью национального архетипа Великобритании после Крымской войны. Именно поэтому британцы столь активные сторонники наиболее радикальных русофобских и анти-русских политик и практик последние 11 лет.

Литература:

1. Анисимов О.В. Франко-русский конфликт вокруг Святых мест Палестины: периодизация и ее значение // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2010. № 4. С. 194–201.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 2020.
3. Бернайс Э. Инженерия согласия // Полис. 2013. № 4. С. 122–132.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII. Т. 3. Время Мира. М., 2007.
5. Всемирная История. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2019.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. М., 1956.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 12. М., 1956.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2011.
9. Душенко К.В. "Русофобия" в ряду прочих фобий и маний: из истории политического языка. М., 2024.
10. Зайончковский А.М. Восточная Война 1853-1856. Т. 1. СПб., 2002.
11. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918 - 1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Институт российской истории РАН. М., 2006.
12. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под редакцией профессора А.В. Западова. М., 1973.
13. Кирш А. Бенджамин Дизраэли. М., 2016.
14. Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Региональное измерение «Большой игры»: становление и развитие (кон. XVIII – сер. XIX вв.) // Конфликтология / nota bene. 2024. № 4.
15. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М., 2021.
16. Макиндер Х. Круглая земля и обретение мира // Космополис. 2 (16). 2006. С. 56-69.
17. Маркс К, Энгельс Ф. Крымская война. Материалы из газетных статей. В 3 томах // Под редакцией Н. Тимошенко. М., 2024.
18. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1974.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. М., 1958.
20. Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 61-75.
21. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М., 2024.
22. Тарле Е.В. Крымская война. Т. 2. М., 2024.
23. Тойнби А. Постигание истории. М., 2019.
24. Файджес О. Крым. Последний крестовый поход. М., 2021.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
26. Чимаров С.Ю. Маркс и Энгельс о России и русской армии в Крымской войне 1853-1856 гг. // Управленческое консультирование. № 2. 2015. С. 151-157.
27. Шпенглер О. Закат Западного мира. Полное издание в одном томе. М., 2017.
28. Copefigue J. Histoire des grandes operations financieres. Vol. 3: Banque, Bourses, Emprunts. Paris, 1855.
29. Evans G.L. On the Design of Russia. London. John Murray. 1828.
30. Figes O. Crimea War: a history. NY: Metropolitan Books. 2011.
31. Fitzgibbons J. Cromwell's Head. London. A&C Black. 2008.
32. Fromkin D. The Great Game in Asia // Foreign Affairs. Vol. 58. No. 4. 1980. P. 936-951.
33. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950.
34. Golovin I. The nations of Russia and Turkey and their destiny. London: Trübner & co., 1854.
35. Hobson J.A. Imperialism: A study. NY.: Cosimo Inc. 2005.
36. Karl Marx und Friedrich Engels. Werke. Berlin. Dietz Verlag 1963.
37. Kohn G.C. Dictionary of Wars. NY.: Facts on File, Inc. 2007.
38. Mackinder H.J. Democratic ideals and reality. NY.: Henry Holt & Co. 1919.
39. Roth C. A history of the Jews in England. L.: Clarendon press. 1978.
40. Séguin. P. Louis Napoléon le grand. Paris, 2011.
41. The later correspondence of Lord John Russel 1840-1878. Vol. II. London. Longmans, Greens and Co. 1925.

PROPAGANDA TECHNIQUES AND THE ENGINEERING OF CONSENT IN THE WEST'S CIVILIZATIONAL WAR AGAINST RUSSIA DURING THE CRIMEAN WAR

Introduction. The article analyzes the genesis of British Russophobia and anti-Russian propaganda in the period from the Vienna Congress of 1815 to the Crimean War (1853–1855) and the Paris Congress of 1856. The subject of the study is pre-war, pre-war and military propaganda in Great Britain and the tools used. The aim of the study is the genesis of global anti-Russian propaganda and Russophobia. The role of K. Marx and F. Engels in the propaganda campaign initiated by lobbyists for the war with the Russian Empire is separately studied in order to show the identity of the anti-Russian and Russophobic theses of the communists (i.e. the counter-elites of Western civilization) and the most aggressive towards Russia representatives of the military and political elites of the British Empire, which became the center of Western civilization in the 19th century.

Materials and methods. The study is based on the materials of Russian, British and American authors. The methodology of the study is based on the civilizational approach in the context of the system analysis of international relations. Within the framework of this methodology, the historical-genetic method (retrospective analysis), descriptive, analytical, and comparative methods were also used to analyze the factual material.

Research results. The results obtained revealed a stable stereotype regarding Russia that was formed during that period, which eventually became part of

the British heroic mythology and even later a pre-setting for Western society. The phenomenon of the super-active anti-Russian propaganda activities of Marx and Engels, their publication of similar articles in European and American media, was highlighted, which for the first time allows us to talk about the work of the internationalist communists Marx and Engels on the anti-Russian propaganda campaign, which is part of the large information war of Western civilization against Russian civilization.

Discussion and conclusion. A thesis is put forward about a symbiotic pair of Western civilization and the international financial and information consortium, the prototype of modern globalist structures. For the first time, a thesis has been put forward about the transformation of propaganda into a social practice in Great Britain during that period. Conclusions have been made about the need to take into particular account the British stereotypical vision of Crimea, Russia and Russian civilization when analyzing and forecasting.

Mikhail Yu. Koshmarov,
Candidate of Technical Sciences,
Director for development of innovative
technologies, the Russian Social and Promotion
Center Foundation ("ROSPOLITIKA"),
Moscow, Russia

Ключевые слова:

Крымская война, Большая игра, Царьград, русофобия, цивилизационные войны, информационные войны, военная пропаганда, большевизм Троцкого-Ленина, марксизм, Ротшильды.

Keywords:

The Crimean War, Great game, Tsargrad, Russophobia, civilization wars, information wars, war propaganda, The Bolshevism of Trotsky-Lenin, Marxism, Rothschilds.

References:

1. Anisimov O.V., 2010. Franko-russkij konflikt vokrug Svyatykh mest Palestiny: periodizaciya i ee znachenie [The French-Russian conflict over the Holy Sites of Palestine: periodization and its significance]. *Trudy kafedry istorii Novogo i Novejshego vremeni [Proceedings of the Department of the Modern and Contemporary History]*. № 4.
2. Arendt H., 2020. Istoki totalitarizma [The Origins of totalitarianism]. Moscow.
3. Bernajs E., 2013. Inzheneriya soglasiya [Engineering of consent]. *Polis [POLIS]*. № 4.
4. Brodel. F. 2007. Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV-XVIII. T. 3. Vremya Mira [Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII. Vol. 3. Time of the World.]. Moscow.
5. Vsemirnaya Istoriya. T. 5 [World History. Vol. 5]. 2019. Mir v XIX veke [The world in the XIX century]. Moscow.
6. Gercen A.I., 1956. Sobranie sochinenij v 30 tomakh. T. 10 [Collected works in 30 volumes. Vol. 10]. Moscow.
7. Gercen A.I., 1956. Sobranie sochinenij v 30 tomakh. T. 12 [Collected works in 30 volumes. Vol. 12]. Moscow.
8. Danilevskij N.Ya., 2011. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow.

9. Dushenko K.V., 2024. "Rusofobiya" v ryadu prochikh fobij i manij: iz istorii politicheskogo yazyka ["Russophobia" among other phobias and manias: from the history of political language]. Moscow.
10. Zajonchkovskij A.M., 2002. Vostochnaya Vojna 1853-1856. T. 1 [The Eastern War of 1853-1856. Vol. 1]. Saint Petersburg.
11. Ivanova G.M., 2006. Istoriya GULAGa, 1918 - 1958: social'no-ehkonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty [The History of the GULAG, 1918 - 1958: socio-economic, political and legal aspects]. Moscow.
12. Istoriya russkoj zhurnalistiki XVIII–XIX vekov 1973 [The History of Russian journalism of the XVIII–XIX centuries]. *Ed. by professor A.V. Zapadov*. Moscow.
13. Kirsh A., 2016. Bendzhamin Dizraehli [Benjamin Disraeli]. Moscow.
14. Kryzhko E.V., Pashkovskij P.I., 2024. Regional'noe izmerenie «Bol'shoj igry»: stanovlenie i razvitie (kon. XVIII – ser. XIX vv.) [The regional dimension of the "Big Game": formation and development (con. XVIII – ser. XIX century)]. *Konfliktologiya / nota bene [Conflictology / nota bene]*. № 4.
15. Lasswell G.D., 2021. Tekhnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda techniques in the World War]. Moscow.
16. Mackinder H., 2006. Kruglaya zemlya i obretenie mira [Round Earth and the finding of peace]. *Kosmopolis [Cosmopolis]*. № 2(16).
17. Marks K., Engels F., 2024. Krymskaya vojna. Materialy iz gazetnykh statej. V 3 tomakh [The Crimean War. Materials from newspaper articles. In 3 volumes]. *Ed. by N. Timoshenko*. Moscow.
18. Marks K., Engels F., 1974. Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Moscow.
19. Marks K., Engels F., 1958. Sochineniya. T. 10 [The Essays. Vol. 10]. Moscow.
20. Mel'nikova L.V., 2008. Svyatye mesta v centre Vostochnogo voprosa: cerkovno-politicheskij faktor kak odna iz prichin Krymskoj vojny [Holy places in the center of the Eastern question: the church-political factor as one of the causes of the Crimean War]. *Voprosy istorii [Questions of History]*. № 11.
21. Tarle E.V., 2024. Krymskaya vojna. T. 1 [The Crimean War. Vol. 1]. Moscow.
22. Tarle E.V., 2024. Krymskaya vojna. T. 2 [The Crimean War. Vol. 2]. Moscow.
23. Toynbee A., 2019. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow.
24. Figes O., 2021. Krym. Poslednij krestovyj pokhod [Crimea: The Last Crusade]. Moscow.
25. Hantington S., 2003. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. Moscow.
26. Chimarov S.Yu., 2015. Marks i Ehngel's o Rossii i russkoj armii v Krymskoj vojne 1853-1856 gg. [Marx and Engels on Russia and the Russian army in the Crimean War of 1853-1856]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. [Management Consulting]*. № 2.
27. Spengler O., 2017. Zakat Zapadnogo mira [The decline of the West]. Moscow.
28. Capefigue J., 1855. Histoire des grandes operations financieres [History of financial governance]. Vol. 3: Banque, Bourses, Emprunts [Bank, Stocks, Loans]. Paris.
29. Evans G.L., 1828. On the Design of Russia. London.
30. Figes O., 2011. Crimea War: a history. New York.
31. Fitzgibbons J., 2008. Cromwell's Head. London.
32. Fromkin D., 1980. The Great Game in Asia. *Foreign Affairs*. Vol. 58. No. 4.
33. Gleason J.H., 1950. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge.
34. Golovin I., 1854. The nations of Russia and Turkey and their destiny. London.
35. Hobson J.A., 2005. Imperialism: A study. New York.
36. Karl Marx und Friedrich Engels [Karl Marx and Friedrich Engels]. 1963. Werke. Berlin.
37. Kohn G.C., 2007. Dictionary of Wars. New York.
38. Mackinder H.J., 1919. Democratic ideals and reality. New York.
39. Roth C., 1978. A history of the Jews in England. London.
40. Séguin P., 2011. Louis Napoléon le grand [Louis Napoleon the Great]. Paris.
41. The later correspondence of Lord John Russel 1840-1878. 1925. Vol. II. London.